

**Levon Mirzoyan and Stanislav Redens:
notes on the biography of the leaders of the Kazakh SSR (1937-1938)**

DOI: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-133-150

Savin Andrey Ivanovich PhD in Historical Sciences, Senior researcher in Institute of History SB RAS, Novosibirsk (Russia).
E-mail: a_savin_2004@mail.ru**Teplakov Alexey Georgievich**PhD in Historical Sciences, Senior researcher in Institute of History SB RAS, Novosibirsk (Russia).
E-mail: teplakov-alexey@rambler.ru

Abstract. The scientific and political biographies of the Soviet leaders remain one of the weak points of both Russian and foreign historiography. Even the biographies of the Soviet “first rank” figures can still be counted on the fingers of one hand, not to mention the representatives of the party-state and military elites who resided in the “shadow of the leader” and his closest associates. This publication focuses on the last period of life of two Bolshevik activists who have long since deserved their own biographers – party functionary Levon Mirzoyan and chekist Stanislav Redens. Fate brought them into contact not for long in Kazakhstan in 1938 as the leaders of the republic. Both of them are typical representatives of the Stalinist nomenclature, which took direct part in the implementation of the Great Terror and then became its victim. This article aims to study the functioning of informal structures and practices of party-state elites during the Great Terror on the basis of a number of documents introduced into scientific circulation for the first time, three of which are published as a documentary annex. Great attention is paid to the clan system and the cult-like worshipping of the Soviet leaders as a specific feature of the Bolshevik political culture. The authors agree with the opinion of a number of researchers who believe that it was the desire of I.V. Stalin to destroy the patronage-clientele relations and to introduce the practice of personal worship of the local leaders, which flourished on all levels of the Soviet political Olympus, which constituted one of the main reasons for the purge of Soviet elites.

Keywords: Levon Mirzoyan, Stanislav Redens, party-Soviet elites, political practices, clans, personality cults, the Great Terror

**Левон Мирзоян және Станислав Реденс:
Қазақ КСР басшылары өмірбаянының кейбір көріністері (1937-1938 жж.)****Савин Андрей Иванович**

тарих ғылымының кандидаты, Ресей ғылым академиясы Сібір бөлімінің Тарих институтының аға ғылыми қызметкері (Новосібір қ., Ресей). E-mail: a_savin_2004@mail.ru

Тепляков Алексей Георгиевич

тарих ғылымының кандидаты, Ресей ғылым академиясы Сібір бөлімінің Тарих институтының аға ғылыми қызметкері (Новосібір қ., Ресей). E-mail: teplakov-alexey@rambler.ru

Аңдатпа. Кеңестік кәсемдердің ғылыми саяси өмірбаяндары ресейлік, сонымен қатар, шет елдік тарихнаманың әлсіз жақтарының бірі болып табылады. Тіпті «бірінші рангтағы» кеңес қайраткерлерінің өмірбаяндары санаулы ғана зерттелген. “Кәсемнің көлеңкесінде” және жанында қызмет еткен партиялық – мемлекеттік және және әскери элита өкілдерінің өмірбаяндары мүлдем зерттелмеген деуге болады. Бұл мақала екі большевистік қайраткерлер – партиялық – функционер Левон Мирзоян мен чекист Станислав Реденстің өмірлерінің соңғы сәттерін қарастырады. 1938 жылы тағдыр оларды Қазақстанда республиканың басшылары ретінде бірге қызмет етуге әсер етті. Олардың екеуі де Үлкен террорды жүзеге асырған сталиндік номенклатураның өкілдері болып, соның құрбаны болды. Мақаланың мақсаты – бұрын ғылыми айналымға енгізілмеген бірқатар құжаттардың негізінде, соның ішінде қосымша ретінде жарияланып үш құжатты пайдаланып, Үлкен террор кезеңіндегі формальды емес құрылымдардың қызметін және париялық мемлекеттік элитаның тәжірибесін зерттеу болып табылады. Мақалада большевиктік саяси мәдениеттің ерекше сипаты ретінде кеңестік кәсемдердің жеке басына табыну мен кландық жүйесіне ерекше назар аударылады. Авторлар И.В.Сталиннің кеңестік саяси Олимптің барлық қабаттарында орын алған жергілікті кәсемдерге табынушылықты және патронаждылықты жою мақсаты кеңестік элитаны тазалаудың басты себебі болғандығы туралы пікірде болған зерттеушілермен ойларын ұштастырады.

Түйінді сөздер: Левон Мирзоян, Станислав Реденс, партиялық-кеңестік элиталар, саяси тәжірибелер, жеке басқа танушылық, Үлкен террор.

Левон Мирзоян и Станислав Реденс: штрихи к биографиям руководителей Казахской ССР (1937-1938 гг.)

Савин Андрей Иванович

канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, Россия). E-mail: a_savin_2004@mail.ru

Тепляков Алексей Георгиевич

канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, Россия). E-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Аннотация Научные политические биографии советских вождей остаются одним из слабых мест как российской, так и зарубежной историографии. Даже биографии советских деятелей «первого ранга» все еще можно пересчитать по пальцам, не говоря уже о представителях партийно-государственных и военных элит, находившихся в «тени вождя» и его ближайшего окружения. Настоящая публикация посвящена последнему периоду жизни двух большевистских деятелей, которые уже давно заслужили своих собственных биографов – партийному функционеру Левону Мирзояну и чекисту Станиславу Реденсу. Судьба ненадолго свела их в Казахстане в 1938 г. в качестве первых лиц республики. Они оба являются типичными представителями сталинской номенклатуры, которая приняла непосредственное участие в реализации Большого террора и сама стала его жертвой. Цель публикации состоит в том, чтобы на основе ряда документов, ранее не вводившихся в научный оборот, три из которых публикуются в качестве документального приложения, изучить функционирование неформальных структур и практик партийно-государственных элит в период Большого террора. Большое внимание в публикации уделяется клановой системе и культуре почитания советских вождей как специфической черте большевистской политической культуры. Авторы солидаризуются со мнением ряда исследователей, согласно которому именно стремление И.В. Сталина разрушить отношения патронажа и клиентелы и ввести в рамки персональные культы почитания местных вождей, расцветавшие на всех этажах советского политического Олимпа, являлось одной из главных причин чистки советских элит.

Ключевые слова: Левон Мирзоян, Станислав Реденс, партийно-советские элиты, политические практики, кланы, культы личности, Большой террор.

УДК/UDC 343.43(574) «1937/1938»

Левон Мирзоян и Станислав Реденс: штрихи к биографиям руководителей Казахской ССР (1937-1938 гг.)

А.И. Савин, А.Г. Тепляков

Введение. В истории Казахстана 1930-х годов особую роль сыграли такие крупные представители союзного Центра, как партийный работник Л.И.Мирзоян¹ – первый секретарь республиканской организации ВКП(б) с января 1933 г. по май 1938 г., и чекист С.Ф.Реденс² – нарком внутренних дел Казахской ССР в феврале – ноябре 1938г. В центральных архивах все еще сохранилось значительное количество документов, касающихся этих исторических личностей, никогда не вводившихся в научный оборот. Три из них

¹ Мирзоян Левон Исаевич (1897–1939), чл. РСДРП(б) с 1917. Из крестьян, армянин. В 1920-25 – пред. Азербайджанского совета профсоюзов, нарком труда Азербайджанской ССР, секретарь Бакинского комитета КП(б) Азербайджана. В 1926-29 – первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, в 1929-33 – секретарь Пермского окружкома ВКП(б), 2-й секретарь Уральского обкома ВКП(б). В 1933-38 – секретарь Казахстанского крайкома ВКП(б), первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана. Арестован 23.5.1938, расстрелян 26.2.1939. Реабилитирован в 1956.

² Реденс Станислав Францевич (1892–1940), комиссар ГБ 1-го ранга (1935). Чл. РСДРП(б) с 1916. Из рабочих, поляк, образование неполное среднее. В органах ВЧК-НКВД с 1918. В 1931-33 – пред. ГПУ УССР. В 1933-38 – полпред ОГПУ и нач. УНКВД по Московской обл. С 1938 – нарком внутренних дел Казахской ССР. Арестован 21.11.1938, расстрелян 12.2.1940. Реабилитирован в 1961.

предлагаются здесь читателям. В двух случаях речь идет фактически о доносах на Мирзояна и Реденса, еще в одном – о воспоминаниях очевидца событий, хорошо знакомого с жизнью партийно-государственной элиты Казахстана периода Большого террора.

Теоретико-методологические основания. Научные политические биографии советских вождей остаются одним из слабых мест как российской, так и зарубежной историографии. Даже биографии советских деятелей «первого ранга» все еще можно пересчитать по пальцам, не говоря уже о представителях партийно-государственных и военных элит, находившихся в «тени вождя» и его ближайшего окружения. По сути дела, можно утверждать, что историография не справилась даже с задачей создания традиционных позитивистских биографий, в то время как «культурный» поворот в исторических исследованиях уже достаточно давно ставит задачу создания «новой биографической истории», открытой методологическим новациям современности (История через личность, 2010). Настоящая статья – лишь скромная попытка, показать, как могут выглядеть отдельные биографические сюжеты, где факты интерпретированы с акцентом на «новую культурную историю» и «проблемный» принцип.

Обсуждение. Историки Казахстана традиционно рассматривают выдвижение Левона Мирзояна как исправление сталинской верхушкой губительного решения, поставить во главе республики Ф.И.Голощекина³, осуществившего коллективизацию варварскими методами за счет принуждения кочевников к оседлости, что привело к массовому голодному среди казахов в начале 1930-х годов. Действительно, Мирзоян действовал более мягкими методами и способствовал развитию промышленности и культуры (Левон Мирзоян в Казахстане, 2001), но его продолжительное руководство Казахстаном пришлось не только на период смягчения советской внутренней политики, но и на Большой террор. Мирзоян продемонстрировал свое умение гибко соответствовать зигзагам сталинской политики. Так, Сталин 14 марта 1933 г. направил первому секретарю Казахского крайкома ВКП(б) Мирзояну следующий характерный ответ на его не менее типичную для той эпохи просьбу: «Против предложения об опубликовании ряда приговоров в местной печати не возражаем» (Хромов, 2009: 153). Эта инициатива Мирзояна была связана с резким скачком репрессий в регионах после указаний Сталина, данных в декабре 1932г. руководству ОГПУ, активизировать борьбу с «вредителями». Особые тройки и гражданские суды приговорили к расстрелу в 1933 г. в СССР множество людей, в т.ч. свыше тысячи человек было уничтожено в Казахстане. Поэтому в первые месяцы своей деятельности в качестве фактического руководителя Казахстана Мирзоян сначала действовал в духе Голощекина, а уже потом выполнял директиву ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. об ограничении произвольных арестов и ссылок крестьян местными властями, а также сокращении числа заключенных.

В 1937-1938 гг. Мирзоян стал одним из организаторов массовых террористических операций НКВД в республике. Историками опубликованы телеграммы Мирзояна на имя Сталина и Ежова, в которых он цинично выторговывал повышение расстрельных «лимитов», первоначально выделенных Казахстану в соответствие с приказом НКВД №00447. Так, 3 октября 1937г. Мирзоян запросил санкцию Москвы дополнительно расстрелять

³ Голощекин Филипп Исаевич (1876 –1941), чл. РСДРП с 1903. Из семьи подрядчика, еврей. С 1912 чл. ЦК РСДРП(б). В 1917 – чл. Петроградского ВРК, в 1918 – чл. Пермского и Екатеринбургского Советов. В 1925-33 – первый секретарь ЦК компартии Казахстана. В 1933-39 – главный государственный арбитр СССР. Арестован 15.10.1939. Расстрелян 18.10.1941. Реабилитирован в 1961.

3.500 человек, 14 ноября 1937г. – расстрелять еще 2.000 человек и отправить в лагеря 3.000 человек. 1 декабря 1937 г. «для полной зачистки остатков» Мирзоян выторговал право расстрелять еще 600 человек и приговорить к заключению в лагерях тысячу человек. Но и этого оказалось мало: «в связи с вскрытием новых повстанческих и диверсионных групп в различных районах и приказом тов. Ежова о продлении срока зачистки антисоветских элементов», Мирзоян просил Сталина и Ежова предоставить дополнительный лимит в размере 4.400 человек, из которых 900 человек предполагалось расстрелять и 3.500 человек – отправить в лагеря. Все запрошенные Мирзояном дополнительные лимиты были Казахстану предоставлены (Сталинский план по уничтожению народа, 2016).

Мирзоян был типичным представителем советской номенклатуры, верно служившим вождю и системе. Его личное крушение было обусловлено не столько какими-то конкретными ошибками в управлении подвластной территорией, сколько общей сталинской линией на кардинальную чистку советского правящего класса. Публикуемый здесь доклад на Мирзояна, написанный одним из работников ЦК ВЛКСМ, наглядно показывает, что одной из главных причин этой чистки было стремление Сталина сломать сложившуюся клановую систему. Йорг Баберовски характеризовал эту систему кланов и клиентелы как «квазифеодальную»: «Советским Союзом правили квазифеодальные объединения лиц» (Баберовски, 2010: 743). В качестве подтверждения своей гипотезы Баберовски приводит выступление Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937г., где вечером 5 марта вождь обрушился с жесткой критикой на Л.И.Мирзояна, а также первого секретаря Ярославского обкома ВКП(б) А.Р.Вайнова и уже покойного Г.К.Орджоникидзе за формирование кланов, члены которых подбирались по принципу «личного знакомства, личной преданности, приятельских отношений, вообще по признакам обывательского характера». С трибуны пленума Сталин во всеуслышание предупредил свой «генералитет», что клановый метод подбора управленческих кадров – это «метод подбора меньшевистский, я бы сказал, антипартийный метод подбора людей, с этим методом товарищи должны покончить, пока не поздно» (Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., 1995, 12: 13). Г.М. Маленков, выступавший перед Сталиным, на утреннем заседании 5 марта 1937г., привел в качестве примера существующих кланов (Маленков использовал термин «артели», а вслед за ним и автор публикуемого здесь доклада) группы, сложившиеся вокруг первого секретаря Татарского обкома ВКП(б) А.К. Лепы и первого секретаря Восточно-Сибирского обкома ВКП(б) М.О.Разумова (Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., 1995, 10-11: 5-6). Здесь добавим, что клановая система стабильно воспроизводилась в регионах и ведомствах СССР и после эпохи Большого террора.

Еще одним весомым прегрешением Мирзояна в глазах Сталина, очевидно стал непомерно раздутый «культ личности», который сформировался вокруг Мирзояна в Казахстане. Именно формированию «культа личности» Мирзояна посвящен, наряду с клановой темой, публикуемый ниже документ. В случае с персональным культом Мирзоян не являлся, как и в случае с кланом, каким-то особым исключением из числа региональных руководителей. На том же февральско-мартовском пленуме 1937г. Маленков привел целый перечень случаев неуместного возвышения местных «вождей». Под огонь критики, наряду с Мирзояном и Вайновым, попали первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) К.В. Рындин и первый секретарь ЦК ВКП(б) Грузии Л.П. Берия. Но этими фамилиями перечень «культов» региональных вождей отнюдь не

ограничивался. Фактически вокруг каждого крупного партийно-советского деятеля в 1930-е годы формировался свой собственный культ, о чем наглядно свидетельствуют, в том числе массовые переименования населенных пунктов, улиц, промышленных предприятий, колхозов, совхозов и т.п. в честь большевистских вождей (Савин, 2015). Эта практика, начатая в 1920-е годы как стремление увековечить память погибших или умерших «товарищей», постепенно превратилась в 1930-е годы в один из инструментов формирования вождистских культов.

Специалисты в сфере истории диктаторских режимов XX века утверждают, что культы личности были одной из важных политических практик современных диктатур. Сандра Дальке полагает, что персональные культы играли существенную роль в деле легитимации большевистской власти и были значимым инструментом управления и мобилизации масс, а также выполняли интегрирующую функцию, связывая воедино коммунистическую партию и население (Dahlke, 2010: 77). Бенно Эннкер пишет о том, что Сталин восславлялся как главный герой и образец для всех советских граждан, но зачастую рядом с его именем назывались имена других героев, представлявших все сферы общественно-политической жизни (Ennker, 2010, 347-378).

Таким образом, сам по себе культ того или иного деятеля не мог быть основанием для гонений, если только его размеры не вступали в конкуренцию с почитанием самого Сталина. Баберовски утверждает, что политические «долгожители» Л.П. Берия и М.Д. Багиров умели инсценировать свои персональные культы как культы «второго ранга», которые не ставили под сомнение ранжирование в сталинской системе власти (Баберовски, 2010: 744). Мирзояну, возможно, не хватило чувства меры: автор доноса обоснованно выражает свое недоумение по поводу того, что спустя целый год после февральско-мартовского пленума Мирзоян не счел нужным отреагировать на сталинскую критику, сохранив при себе ключевых деятелей своей «артели», поименно перечисленных в марте 1937г. Сталиным, а также продолжал благосклонно воспринимать свое безудержное восхваление и возвеличивание в качестве «главного архитектора» всех достижений Казахстана.

О сборе компрометирующих материалов на Мирзояна говорит также факт, зафиксированный в воспоминаниях чекиста М.П. Шрейдера⁴: во время демонстрации в Алма-Ате 1 мая 1938г., накануне отъезда Мирзояна в Москву, «корреспонденты “Правды” Козлов, “Известий” Семеновкер, а также ряда других газет усиленно фотографировали, причем бросалось в глаза, что их особенно интересовали те колонны, над которыми плыли особенно большие портреты Мирзояна (большие по размеру, чем портреты Сталина), или где количество портретов Мирзояна было значительно большим⁵. Скорее всего, публикуемый здесь донос был передан генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ А.В. Косаревым, как он и намеревался поступить, И.В. Сталину, сыграв свою роль в отъезде Мирзояна из Казахстана в мае 1938г. и его последующем аресте.

⁴ Шрейдер Михаил Павлович (1902–1978, Москва), сотрудник ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, заместитель народного комиссара внутренних дел Казахской ССР по милиции (1938), капитан милиции (1936). Чл. РКП(б) с 1919. Из семьи мещан, еврей, образование начальное. В органах ВЧК-НКВД с 1919, прошёл путь от рядового оперативного работника до заместителя наркома внутренних дел союзной республики. Арестован 16 июня 1938. Осужден в 1939 к 10 годам ИТЛ. Амнистирован в 1942, отправлен на фронт. Автор широко известных воспоминаний «Жизнь чекиста-оперативника».

⁵ Архив НИПЦ «Мемориал» – Архив научно-исследовательского просветительского центра «Мемориал» – Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 2. Оп. 2. Д. 102. Л. 764.

Для сталинского свояка Станислава Реденс перевод в Казахстан был явным понижением после должности начальника УНКВД по Московской области. «Грех» Реденса состоял в том, что в 1937 г. он старался несколько ограничить размах репрессий и сосредоточился преимущественно на чисткестолочного уголовного элемента. Основную чистку номенклатуры в Москве проводил аппарат ГУГБ НКВД СССР, но Реденс был обязан вносить свою лепту в истребление потенциально опасных для власти лиц. Относительная безынициативность Реденса в проведении террора на фоне ежовских выдвиненцев, требовавших все новых лимитов на аресты и расстрелы, вызвала недовольство Сталина. В результате комиссар госбезопасности 1-го ранга потерял свой неформальный статус сталинского эмиссара в органах ОГПУ-НКВД. Суровый родственник снял Реденса с почетной работы начальника столичного УНКВД и отправил в Казахстан, что оказалось предвестием окончательного падения заслуженного чекиста.

Публикуемый нами донос на Реденса одного из его подчиненных показывает, что в Казахстане этот старый чекист, искушенный в политических интригах и прекрасно знающий, что требовал от него Сталин, повел себя осторожно и не проявлял инициативы в терроре. Это же подтверждают известные мемуары М.П. Шрейдера, занимавшего в Казахстане пост заместителя Реденса по милиции. Надо полагать, опыт подсказывал Реденсу, что за чудовищные масштабы «перегибов» Большого террора чекистам придется рано или поздно ответить, поэтому, с одной стороны, он старался исполнять установки Центра, с другой – переключал карательную инициативу на плечи подчиненных. Будучи позднее вынужден признать свое участие в мифическом «заговоре» Ежова, Реденс в своих показаниях от 14 мая 1939 г. собственноручно написал: «Ежов дал мне следующее задание, нажать на корейцев, которые были переселены в Казахстан из Дальнего Востока, и для этой цели, он сказал, что дает мне новых лимитов 10 тыс. по первой категории. То есть расстрелять можно 10 тыс. корейцев. О [прежнем наркоме внутренних дел] Залине он сказал только, что он там сидит очень давно и что он там делает, неизвестно, дальше он сказал: нажать на альбомные операции⁶, и потом, когда я приеду на место [тогда] и напишу ему о положении в Казахстане. Больше никаких заданий я не получил»⁷.

Также во время следствия Реденс признал, что в Казахстане он санкционировал расстрел четырех тысяч человек «без достаточных оснований». Сам он избегал участвовать в избиениях, но подчиненным давал необходимые инструкции. Как вспоминал бывший заместитель П.В. Володзько, на вопрос, как быть, если нет оснований для ареста, Реденс ответил: «Нужно бить беспощадно, тогда будут сознаваться» (Дворкин, 1962). Арестовав основные руководящие кадры республики, включая чекистско-милицейский аппарат, скомпрометированный арестом бывшего наркома Л.Б. Залина⁸, а также нанеся опустошительный удар по интеллигенции, Реденс, тем не менее, не смог вернуть расположения вождя. Причастность к семейному клану не помогла, Сталина переиграть не удалось, в связи с чем, Реденс оказался обвинен в причастности к «заговору» Ежова и приговорен к расстрелу.

⁶ То есть массовых операций НКВД по репрессированию национальных меньшинств.

⁷ ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело на С. Ф. Реденса № 975047 в 2 тт. Т. 1. Л. 203–243

⁸ Залин (Левин) Лев (Залман) Борисович (Маркович) (1897–1940), комиссар ГБ 2-го ранга (1935). Из семьи приказчика, еврей. С 1918 – в органах ВЧК-НКВД, работал в Особых отделах и ЭКУ ВЧК. В 1930-31 – зам. начальника Особого отдела ОГПУ. С авг. 1931 – зам. полпреда ОГПУ по Средней Азии. С янв. 1935 – нач. УНКВД Казахской АССР, затем – нарком внутренних дел Казахской ССР. С марта по июнь 1938 – нач. 9-го отдела 1-го Управления НКВД СССР (наблюдение за торговлей, заготовками и сельским хозяйством). Арестован 7.6.1938, расстрелян 22.1.1940. Не реабилитирован.

В его следственном деле сохранился весьма примечательный донос одного из подчиненных, относящийся к периоду, когда новое руководство НКВД СССР в лице начальника ГУГБ и первого заместителя Ежова Л.П. Берии, затребовало от чекистов как можно больше компрометирующих материалов на крупных чекистов-«ежовцев». Речь идет о заявлении начальника УНКВД по Карагандинской области Н.Е. Кустова на имя Н.И. Ежова от 9 ноября 1938 г., которое мы здесь публикуем (с некоторыми сокращениями, обусловленными состоянием доступной копии). Предчувствовавший наступление чистки среди активных проводников террора, Кустов решил сообщить наркому компрометирующие материалы на Реденса, особо подчеркнув его польскую национальность. Однако при новом наркome – Л.П. Берии – Кустов сам был признан «отработанным материалом» и репрессирован (достоверных сведений о его расстреле после вынесения смертного приговора не имеется).

Письмо Н.Е. Кустова демонстрирует не только нравы в чекистском ведомстве и обостренное чутье чекистов, ходивших по лезвию ножа. Оно наглядно показывает личные качества наркома внутренних дел Реденса, который обращался с подчиненными как со своими крепостными, демонстрируя привычное чиновничье хамство. Характерно, что в мемуарах Шрейдера, для которого казахстанский нарком был образцом чекистских и человеческих добродетелей, также фигурируют эпизоды, показывающие Реденса интриганом и грубияном. Акцент, сделанный в докладе на решение дел в узком кругу доверенного окружения, привезенного Реденсом из Москвы, перекликается с клановой темой в докладе на Мирзояна.

Фигуры Мирзояна и Реденса в определенной степени связывают воспоминания М.П. Шрейдера, который не только хорошо знал Реденса, но по иронии судьбы оказался в одной камере с Л.И. Мирзояном и подробно рассказал о мучениях своего сокамерника, упомянув важный эпизод с допросом Мирзояна в застенке лично членами Политбюро ЦК ВКП(б) (Шрейдер, 1995: 169–176, 178–179). Но Шрейдер также сохранил немало живых подробностей о быте партийно-советской и чекистско-милицейской верхушки Казахстана конца 1930-х годов. Мы публикуем эпизод из его обширных мемуаров, не вошедший в свое время в отдельную книгу. Он связан с широким чествованием в 1938 г. самого известного казаха той эпохи – легендарного акына Джамбула Джабаева, который, после смерти в 1937 г. дагестанского ашуга Сулеймана Стальского, был сделан символом расцвета национальных литератур в советских республиках. История, сохраненная Шрейдером, в юмористическом виде показывает столкновение традиций разных культур и вынужденное подчинение приезжей номенклатуры непривычным для нее обычаям патриархального общества. Также она сообщает любопытные подробности привилегированного существования Джамбула, который, в полном соответствии с восточными традициями, без каких-либо комплексов воспринял свое положение певца достижений сталинского руководства. Джамбул восхвалял как расцвет Казахстана под лучами «Сталинской Конституции», так и борьбу с «врагами народа» в «Песне о батыре Ежове», выражая удовлетворение, что, несмотря на маскировку, враги разоблачены («Шпионы оделись в народный чапан, Шпионы: Исаев⁹ и Мирзоян») (Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына, 2013).

⁹ Исаев Ураз Дзанжакович (1899–1938), член РКП(б) с 1920. Казах, образование начальное. В 1921–22 – сотрудник Уральской губЧК. С 1928 – второй секретарь Казкрайкома ВКП(б). В 1929–38 – пред. Совнаркома Казахской АССР-СССР. В 1937–38 – член республиканской тройки НКВД. Арестован 31.5.1938, расстрелян 29.8.1938. Реабилитирован в 1956.

Выводы. Таким образом, введенные в научный оборот документы показывают разные формы существования партийной, чекистской и культурной номенклатуры Казахстана эпохи Большого террора, а также функционирование неформальных структур и практик партийно-государственных элит в период Большого террора. Большое внимание в публикации уделяется клановой системе и культу почитания советских вождей как специфической черте большевистской политической культуры. Авторы солидаризуются со мнением ряда исследователей, согласно которому именно стремление И.В. Сталина разрушить отношения патронажа и клиентелы и ввести в рамки персональные культы почитания местных вождей, расцветавшие на всех этапах советского политического Олимпа, являлось одной из главных причин чистки советских элит.

Документальное приложение

№ 1

Докладная записка ответственного инструктора ЦК ВЛКСМ Позднякова генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ А.В. Косареву об «обстановке восхваления в Казахстане»

[г. Москва]

14 февраля 1938 г.

Как член партии, хочу высказать свои замечания в отношении существующей обстановки восхваления в Казахстане.

Видимо, много еще подхалимствующих людей в Казахстане.

Такую обстановку восхваления я еще нигде не видел в областях. Тем более – это удивительным становится – после решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б).

Я уже не говорю о том, что на территории Казахстана, во всех общественных местах, везде и всюду обильное количество, развешены портреты руководителей Казахстана.

Например, десять дней не прошло после выборов в Верховный Совет СССР, как через несколько дней в газете «Казахстанская правда» в первых числах января [1938 г.] печатается речь тов. Мирзояна, произнесенная «на совещании директоров совхозов» с портретом. Через 3 дня – 6-го января печатают речь на пленуме Алма-Атинского обкома – опять с портретом.

Скромности не хватает у некоторых областных работников. Вот газета «Ленинское знамя» – орган Северо-Казахстанского обкома КП(б)К – в номере от 26/ХІ-37 г. дается материал с крупной шапкой – т. Нурпеисов¹⁰ «организатор и воспитатель комсомола Казахстана».

Видимо, редактор газеты не знает, что организатором и воспитателем комсомола является большевистская партия, Ленин и Сталин.

Автор не в меру старается восхвалять т. Нурпеисова как «воспитателя комсомола Казахстана». Он пишет: «Нельзя так просто передать все те качества организатора и руководителя, которыми обладает тов. Нурпеисов».

Так, некоторые комсомольские руководители тоже стараются подражать некоторым подхалимствующим элементам.

¹⁰Нурпеисов Садык Нурпеисович (1904–1939), партийный деятель, чл. РКП(б) с 1925. Казах, образование начальное. В 1925–27 зав. орготделом Казахского крайкома ВЛКСМ. В 1927–29 – первый секретарь Казахского крайкома ВЛКСМ. В 1932–34 – второй секретарь Карагандинского обкома ВКП(б). В 1934–37 – второй секретарь Казахского крайкома ВКП(б). В 1937 – и. о. 2-го секретаря ЦК КП(б) Казахстана. В 1937–38 – второй секретарь ЦК КП(б) Казахстана. С мая 1938 в распоряжении ЦК ВКП(б). Арестован 1.11.1938, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

Например: в выступлениях на съезде некоторые руководители комсомола начинали свою речь так: «Мы обязаны, исходя из указаний Центрального комитета товарища Сталина и тов. Мирзояна...».

При нас было созвано общегородское комсомольское собрание в г. Алма-Ата. На это собрание явился т.Мирзоян. Просто невозможно описать то, что творилось на этом собрании. Каждое упоминание имени тов. Мирзояна встречалось стоя, бурными аплодисментами, выкриками «ура», лозунгами и исполнением (музыки) Интернационала.

На этом собрании, выступая от [имени] комсомольской организации строителей, активист (фамилию его не помню) произнес примерно такую речь: «Кто из аулов сделал цветущие колхозы? Лион Исаич¹¹ Мирзоян». В таком духе перечислял все достижения Казахстана. И никто его не поправил.

На этом собрании дошло до того, что начали выкрикивать лозунги: «Да здравствует заместитель председателя ЦИКа Казахстана тов. ...»¹².

Вообще, как правило, заведено [-] на всех торжественных заседаниях, собраниях и в почетный президиум избирается после членов Политбюро [ЦК ВКП/б/] тов. Мирзоян.

У меня создалось такое впечатление, слушая речи, читая газеты, разговаривая с людьми, присутствуя на собраниях[:] здесь воспитывается часть людей в таком понимании, что Казахстанский народ¹³ добился счастливой жизни благодаря [работе] т. Мирзояна, и мало упоминается, что все это достигнуто под руководством нашей партии Ленина-Сталина и ее Центрального комитета.

В воспитательной работе комсомола тоже имеется этот крупнейший недостаток.

Видимо, такая обстановка нескромности еще сохранилась в Казахстане потому, что «артель тов. Мирзояна» – о которой говорилось на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) – в большинстве своем еще сохранилась на крупнейших руководящих постах в Казахстане, которые в свою очередь имеют немало «своих людей» в областях, я некоторых перечислю:

Первый секретарь Северо-Казахстанского ОК КП(б)К – т. Кузнецов¹⁴.

Первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома – т. Свердлин¹⁵.

Первый секретарь Карагандинского обкома – т. Пинхасик¹⁶.

¹¹ Так в тексте.

¹² Многоточия в документе.

¹³ Так в тексте.

¹⁴ Кузнецов Николай Семенович (1898–1967), чл. РСДРП(б) с апр. 1917. Русский. Участник гражданской войны, учился в Комуниверситете им. Я. М. Свердлова, Уральском политех. институте и Ин-те красной профессуры. В 1929–30 – ответструктор ЦК ВКП(б), пом. заведующего Орг.-инструкторским отделом ЦК ВКП(б). В 1935–36 – зав. сельхозотделом Северо-Казахстанского обкома ВКП(б). В 1936–37 – первый секретарь Кустанайского обкома ВКП(б), член тройки при УНКВД. Снят в октябре 1937, с ноября 1937 по май 1938 – и. о. 1-го секретаря Северо-Казахстанского обкома ВКП(б). Арестован 21.5.1938, осужден 26.10.1940 к 10 годам ИТЛ. Освобожден в 1947, до выхода на пенсию работал в лесном хозяйстве.

¹⁵ Правильно: Свердлов Саул Маркович (1902–1938), чл. РКП(б) с 1919. Уроженец Курска, из семьи торговца, еврей. Участник гражданской войны в Туркестане. Работал вместе с Мирзояном в Баку и на Урале. В 1934–1938 – первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома ВКП(б), чл. тройки УНКВД. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. Арестован 19.3.1938, 28.8.1938 приговорен к ВМН, расстрелян. Реабилитирован в 1956. Упомянут Сталиным на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. в составе «артели» Мирзояна.

¹⁶ Пинхасик Гдалиль Исаакович (1897–1951), чл. РКП(б) с 1918. Уроженец Одессы, еврей, образование среднее. В 1919–20 – следователь СибЧК и нач. Верхнеудинского облотдела Госполитохраны ДВР, в 1923–30 – на руководящей партийной работе в Новониколаевске и Омске. В 1930 – ответсекретарь Рыбинского окружкома ВКП(б), в 1930–33 – секретарь Уралобкома ВКП(б). С февраля 1933 – зам. зав., зав. агитмассовым отделом, зав. промышленно-транспортным отделом, 3-й секретарь Казахстанского крайкома ВКП(б). С авг. 1936 – первый секретарь Оргбюро ЦК ВКП(б) по Карагандинской обл. С мая 1937 – первый секретарь Карагандинского обкома ВКП(б), чл. тройки УНКВД. Арестован 22(28?).5.1938. Осужден 26.10.1940

Второй секретарь Алма-Атинского обкома – т. Юсупов.

Зав. ОРПО ЦК КП(б)К – т. Ариев.

Зам. Наркомзема – т. Панкратов.

В частных беседах партийные работники разговаривают об «артели». Но, видимо, критика здесь совсем не в почете, в чем я убедился на примере истории с разоблачением Досова¹⁷ в Чимкенте, о котором я уже Вам писал в своем письме из Казахстана.

О ряде партийных работников в системе выдвижения людей на парторботу я Вам писал в прежних письмах¹⁸.

Ответ. инструктор ЦК ВЛКСМ (подпись)

Поздняков.

РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 23. Д. 1285. Л. 55–57. Машинописный подлинник. Подпись Позднякова – автограф. На тексте имеются делопроизводственные пометы: «мс-2. – 1 экз. уничтожен. (подпись неразборчива)».

Документ № 2

Письмо начальника УНКВД по Карагандинской области Н. Е. Кустова наркому внутренних дел СССР Н. И. Ежову о поведении наркома внутренних дел Казахской ССР С. Ф. Реденса

г. Караганда

9 ноября 1938 г.

Народному комиссару внутренних дел Союза ССР,

Генеральному комиссару государственной безопасности товарищу Ежову Н. И.

От начальника Карагандинского областного управления НКВД младшего лейтенанта госбезопасности Кустова Н.Е.¹⁹

Уважаемый Николай Иванович!

Убедительно прошу прочесть мое письмо до конца. Речь идет о непартийном поведении наркома внутренних дел Казахстана, комиссара государственной безопасности первого ранга тов. Реденс.

[...] В феврале месяце этого года вместо Залина приехал новый нарком товарищ Реденс.

В первый период работы Реденс произвел на нас неплохое впечатление: простой, внимательный к аппарату человек, заходит в кабинеты к рядовым

к 8 годам ИТЛ. Реабилитирован в 1955. Упомянут Сталиным на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. в составе «артели» Мирзояна.

¹⁷ Досов Абиляхир Исакович (1899–1938), чл. РКП(б) с 1919. Казах, образование начальное. В годы гражданской войны – подпольщик, партизан. В 1919–20 – чекист, пред. Кокчетавской уездной ЧК. В 1934–36 – первый секретарь Актюбинского обкома, в 1936–37 – первый секретарь Южно-Казахстанского обкома ВКП(б), чл. тройки УНКВД. Арестован 28(26?).11.1937, осужден 8.3.1938 к расстрелу. Реабилитирован в 1956 «за недоказанностью состава преступления».

¹⁸ На первой странице письма красным карандашом наложена резолюция (автограф) А. В. Косарева: «Надо направить т. Андрееву и т. Сталину. А К».

¹⁹ Кустов Николай Евстафьевич (1904–1940?), мл. лейтенант ГБ (1936). Чл. ВКП(б) с 1930 (чл. ВЛКСМ с 1923). Уроженец Вологодской обл., из крестьян-середняков, русский. Образование среднее. Работал зав. магазином, зам. пред. РИК, зав. райземотделом. С 1931 – в органах ОГПУ-НКВД Казахстана: уполномоченный ЭКО, нач. отделения ЭКО; нач. кооперативного отдела ПП ОГПУ – УНКВД по Казахстану (с авг. 1933). С 1936 – зам. нач. СПО УГБ НКВД КазССР, награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ» (9.5.1938). С июля 1938 – врид начальника, с дек. 1938 по янв. 1939 – нач. УНКВД по Карагандинской обл. С 7.4.1939 уволен из НКВД, арестован. Осужден 16.8.1940 Военным трибуналом войск НКВД Казахской ССР по ст. 193-17 п. «б» УК РСФСР (за фабрикацию дел) к расстрелу.

работникам, беседует, вникает в детали работы, расспрашивает об условиях работы и тому подобное.

Так было приблизительно с месяц. После этого товарищ Реденс просто стал неузнаваем и удивлял многих своим непартийным отношением к аппарату.

Приходящие к нему на доклад работники, как правило, получали вместо указаний, даже по пустяковым вопросам, отборный мат, ругань, оскорбления и нередки случаи, когда товарищи выгонялись из кабинета.

В частности, товарищ Мешков²⁰ (бывший мой заместитель, которого вы назначили на должность начальника особого отдела Первой Дальневосточной армии) за то, что он высказал свое нежелание ехать на работу в Караганду и просил назначение в другое место, – был обруган матом, обозван лентяем, дураком, не большевиком и выгнан из кабинета.

Разговор по телефону с работниками, как правило, сопровождается подобными же словами. На звонок к нему по телефону после двух часов ночи, с разрешением зайти с бумагами на подпись, получаешь как правило ответ: «я вам не лошадь, давайте потом». Кстати, бумаги, даваемые т. Реденс на подпись, за редким исключением [, им не] прочитываются и в большинстве подписываются не читая.

В конце июля сего года товарищ Реденс вместе с секретарем ЦК КПБК т.Скворцовым²¹ приехали в Караганду (пробыли у нас полтора дня). Характерно, что в аппарате областного управления товарищ Реденс был всего лишь два часа – вызвал начальника третьего отдела товарища Коновалова²², просмотрел несколько [агентурных] разработок, дел-формуляров²³ и все.

Начальник 4[-го] отделения²⁴, другие начальники оперативных отделений и начальник облуправления милиции приняты не были совершенно и наркома не видели. [...] Приготовленные материалы для доклада наркому по следствию, агентуре и другим вопросам – остались не доложенными, и на это я получил ответ: «потом напишешь», тогда как времени было достаточно и нарком со своим секретарем, не выходя из-за стола в доме отдыха, по 4-5 часов играли в шахматы.

Характерно и то, что за 4,5 месяца моей работы в области все директивные указания из наркомата [внутренних дел Казахстана] как правило идут за подписью начальников отделов и только два-три получены за подписью наркома.

16 сентября 1938 года я получил разрешение наркома – вылететь самолетом к нему с докладом. Мне как молодому начальнику областного управления необходимо было получить указание по ряду вопросов.

Во время доклада ни по следственным делам, ни по агентуре от наркома я никаких замечаний не получил. Докладывая о бытовом положении рабочих на Балхаше, мною были доложены недостатки в жилищном строительстве, в частности, то, что работающие на Балхаше 900 человек осужденных

²⁰ Мешков Николай Михеевич (? - ?), ст. лейтенант ГБ (1936). В 1937 – нач. 2-го отделения 5-го (Особого) отдела УГБ НКВД Казахской ССР, с 10.8.1937 – нач. 3-го отделения КРО УГБ НКВД КазССР. С 11.12.1937 – зам. нач. УНКВД по Северо-Казахстанской обл. С 1949 – зам. нач., нач. Ухто-Ижемского ИТЛ (и на 1953), подполковник. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ» (9.5.1938).

²¹ Скворцов Николай Александрович(1899–1974), партийный деятель, чл. РКП(б) с 1919. Из крестьян, русский, образование высшее. С 1918 в РККА, с 1921 – на партийной и сов. работе. С 1933 – в отделе руководящих парторганов ЦК ВКП(б). С 7.5.1938 – второй секретарь, с 16.5.1938 по 1945 – первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана. В 1947-53 – министр совхозов СССР. Член ЦК ВКП(б) в 1939-52. С 1966 на пенсии.

²² Вероятно, Коновалов Сергей Александрович (? - ?), лейтенант ГБ (1936), чл. ВКП(б) с 1925.

²³ Досье.

²⁴ Секретно-политическое, занимавшееся политическим сыском.

карлаговцев живут до сих пор (сентябрь) в палатках и что с наступлением осенних заморозков их переселять некуда.

Стоит вопрос так, или их отправлять обратно в Карлаг [НКВД] и еще больше обострить положение с недостатком рабочей силы, или надо их расселять по квартирам, чего администрация комбината сделать не может. В связи с этим решение Балхашского ГК²⁵ КПБК и распоряжением директора комбината было предложено – расселить карлаговцев в землянках, которые могут быть вырыты в течение двух недель (половина домиков в земле, стены забиты тесом, а окна и крыши – на поверхности), по этому вопросу я просил указание наркома, можно ли так строить. Услышав это, товарищ Реденс буквально вышел из себя, стал на меня кричать, стучать кулаком по столу, ругать матом, обозвал вологодским дураком (я родом из Вологды), сволочью и еще целым рядом подобных эпитетов.

Я был настолько поражен его поведением, что не нашелся даже что ответить.

На второй день я был вызван наркомом и мне была устроена вторая «баня» за то, что мой помощник выслал в наркомат протокол допроса одного арестованного плохо откорректированным²⁶. Я был обозван лентяем, барином, идиотом и тому подобное. При этом присутствовали: начальник 3[-го] отдела²⁷ УГБ капитан госбезопасности товарищ Викторов²⁸, начальник 8[-го] отдела УГБ лейтенант госбезопасности товарищ Гитлин²⁹, начальник 9[-го]³⁰ отдела УГБ младший лейтенант госбезопасности товарищ Ка[д]яев³¹ и начальник 4[-го] отдела УГБ старший лейтенант госбезопасности товарищ Павлов³², которые были не меньше моего удивлены руганью т.Реденс и, в частности, товарищ

²⁵ Городского комитета.

²⁶ В тогдашней обстановке «откорректированный» протокол представлял собой принципиально измененный текст протокола допроса арестованного, куда произвольным образом вносились сведения о всевозможной «контрреволюционной деятельности» обвиняемого и его знакомых. Ложной и провокационной «корректировкой» допросов важных арестованных лично занимались начальники отделов управления НКВД и нередко сам начальник УНКВД.

²⁷ Контрразведывательного.

²⁸ Викторов Александр Викторович (1898 – ?), капитан ГБ (1935). Чл. РКП(б) с 1921. Уроженец Москвы, русский, образование неполное среднее. Солдат Французского иностранного легиона; служил в армии Врангеля. С 1933 до июля 1937 – пом. нач. 2-го, нач. 3-го отделения СПО, пом. нач. СПО УНКВД по Московской обл. В 1937 – пом. нач., врид нач. отдела УГБ УНКВД по Ивановской промобл. С февр. 1938 по 1.3.1939 – врид нач. 3-го отдела УГБ НКВД Казахской ССР, с 16.3.1939 уволен из НКВД вовсе. Арестован 19.4.1939. Осужден 3.6.1940 ОСО при НКВД СССР на 5 лет заключения. С 19.4.1943 освобожден, работал в системе ГУЛАГа НКВД-МВД СССР.

²⁹ Гитлин Ефим Давыдович (1903–1943), лейтенант ГБ (1936). Чл. компартии с 1924. Уроженец Гомеля, еврей. В органах ВЧК-НКВД с 1921. Сотрудник УГБ УНКВД по Казахской АССР, с 1937 – пом. нач. КРО УГБ НКВД Казахской ССР, до апр. 1939 – врид нач. 8-го отдела (надзор за оборонной промышленностью) 1-го управления НКВД Казахской ССР. Награжден орд. Красной Звезды (1937). В апреле 1939 уволен из НКВД за невозможность дальнейшего использования. Жил в Чимкенте, в июне 1941 мобилизован в РККА. Был замполитом 368-го полка 149-й стр. дивизии 65-й армии, майор; погиб в бою в Лоевском р-не Гомельской обл. 27.10.1943.

³⁰ Контролировал сельскохозяйственные предприятия.

³¹ Кадяев Петр Васильевич (1901–1967), полковник ГБ (1943). Чл. РКП(б) с 1920. Уроженец Пензенской губ., русский. Из бедных крестьян, образование неполное среднее. В 1920 служил в РККА, затем в ВЧК-НКВД (с перерывом в 1924-30). С 1930 работал в Гурьевском окротделе ГПУ, нач. ЭКО Западно-Казахстанского облотдела ГПУ. В 1937-38 – нач. 4-го и 6-го отделений КРО УГБ НКВД КазССР; с сент. 1938 – нач. 9-го отдела НКВД КазССР, нач. 3-го отдела ЭКУ НКВД КазССР. С дек. 1939 – нач. УНКВД по Семипалатинской обл. В 1941 – зам. НКВД КазССР. С авг. 1941 – нач. Транспортного отдела НКВД-НКГБ Карагандинской, Калининской и Казанской ж. д. С февр. 1948 – нач. УМГБ по Красноярскому краю, с авг. 1949 – зам. нач. управления охраны МГБ Ярославской ж. д., нач. охраны МВД Северной ж. д. С февр. 1954 на пенсии.

³² Павлов Николай Александрович (1903 – ?), ст. лейтенант ГБ (1936). Чл. РКП(б) с 1919. Уроженец С.-Петербурга. В органах ВЧК-НКВД с 1919. До 1936 – зам. нач. СПО УГБ НКВД Казахской АССР, с авг. 1936 – нач. УНКВД по Кустанайской обл. В 1938-39 – нач. СПО УГБ НКВД КазССР, с 13.4.1939 уволен вовсе из НКВД. Арестован 4.5.1939, осужден 30.10.1939 ВТ войск НКВД Казахской ССР на 15 лет заключения. Возможно, амнистирован в годы войны. Реабилитирован в июле 1999.

Павлов после этих указаний мне прямо заявил: «Я ничего не понимаю, почему нарком на тебя так набросился».

В наркомате я пробыл 3 дня, после чего вылетел в Караганду. Кстати, я просил наркома – разрешить мне остаться в Алма-Ате еще на один день и сделать рентгеновские снимки, так как в Караганде снимков сделать нет возможности. У меня камень почечных лоханок. В начале августа я 5 дней болел и только присланный заместителем наркома товарищем Володзько³³ из Алма-Аты самолетом врач избавил меня от операции. Врач предложил обязательно сделать рентгеновские снимки с тем, чтобы определить возможность дальнейших осложнений.

На эту просьбу мне товарищ Реденс грубо ответил (дословно): «Какое мне дело до твоих почек, немедленно вылетай обратно, чтобы завтра духу твоего здесь не было». Я вылетел в Караганду, не сделав рентгеновских снимков.

Надо сказать, что за всю свою жизнь я ни разу не был в отпуске, никогда не был на курортах и сейчас на этом не настаиваю, несмотря на то, что здоровьем похвалиться не могу.

Я считаю, поскольку врачи требуют сделать рентгеновские снимки с тем, чтобы избежать повторных осложнений, один день для этого мне дать было можно и нужно.

Карагандинская область одна из первых в Казахстане выполнила план хлебосдачи и оказала по решению ЦК КПБК помощь автомашинами Северо-Казахстанской области, куда заброшено из нашей области 240 автомашин и 440 шоферов.

Аппарат НКВД был также ориентирован на помощь партийным советским организациям в выполнении плана хлебосдачи.

В связи с этим я ежедневно доносил наркому, как выполняется план и наши оперативные мероприятия.

16 октября 1938 года я позвонил товарищу Реденс по телефону и доложил ему, что план хлебосдачи по области на 15 октября выполнен на 94 % (не считая натуральной оплаты, которая учитывалась отдельно, так как тракторный парк МТС работал еще в колхозах и план шел нарастающим итогом³⁴).

Услышав это, нарком по радиотелефону меня выругал, обозвал дураком и что я не умею считать, что Советская власть меня учила в вузе напрасно и, наконец, заявил, что он со мной больше разговаривать не желает. На второй день, 17 октября, обком партии и Заготзерно донесли в ЦК КПБК и Казсовнарком [про] выполнение плана по области на 15 октября 1938 года на 94,2 % (без натуральной оплаты).

Спрашивается, за что я был выруган?

Подобное обращение наркома с подчиненным ему аппаратом известно многим, но люди боятся об этом прямо заявить. Грубость т. Реденс могут подтвердить товарищи Мешков, Гладков³⁵, Ка[д]яев, Горбунов³⁶ и многие другие, кто сталкивался с ним в работе.

³³ Володзько Павел Васильевич (1888–1951), майор ГБ (1935). Чл. РКП(б) с 1918. Уроженец Слуцка, белорус. Из ремесленников, образование среднее. С 1918 служил в органах ВЧК-НКВД. С 1932 в Казахской АССР: нач. Алма-Атинского облотдела ГПУ, второй зам. ПП ОГПУ по Казахстану; с 1934 – зам. нач. УНКВД по Казахской ССР. В 1937-39 – зам. наркома внутренних дел Казахской ССР. Награжден орд. Красной Звезды (1937). Арестован 7.1.1939, осужден 8.5.1939 по ст. 58-1а, 8, 11 УК РСФСР на 15 лет ИТЛ. Умер в лагере 9.3.1951 (Воркута), не реабилитирован.

³⁴ Т. е. план продолжал выполняться.

³⁵ Гладков Тимофей Иосифович (1900 – ?), ст. лейтенант ГБ (1936). Чл. РКП(б) с 1919. Из крестьян, белорус, образование начальное. В органах ВЧК-НКВД с 1919. С 1930 – нач. Шевченковского окротдела ГПУ УССР. В 1931-34 – нач. Пензенского оперсектора ГПУ. В 1934-36 – нач. Кооперативного отдела ПП ОГПУ – УНКВД по Челябинской обл. и УНКВД по Крыму. С 25.3.1936 по 17.11.1938 – зам. нач. ЭКО-КРО УГБ УНКВД по

Товарищ Сталин учит нас любовно относиться к кадрам, умело их воспитывать и заботливо выращивать.

Вы лично внесли совершенно новую линию в нашу чекистскую жизнь – это партийность в работе. Отношение же т. Реденс к молодым работникам (которое я испытывал на себе) – конечно, не партийное.

Я знаю, что товарищ Реденс старый большевик, член партии с 1914 года, член ревизионной комиссии ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР, орденоседец – и тем более такие факты ему не к лицу.

Поведение товарища Реденс меня просто сбивает с толку, я давно думаю над этим и не могу понять – чем вызвано подобное отношение к подчиненным ему товарищам.

Я не могу говорить о большем, так как совершенно не имею никаких фактов, но здесь все же должен сказать, что с приездом товарища Реденс были разговоры в аппарате и по следующему фактору: товарищ Реденс привез с собой трех работников, это – Байкович, который поставлен на должность начальника бывшего 8 отдела УГБ (УСО³⁷), где сосредоточены все материалы НКВД, товарищ Козин³⁸ – начальник инспекции при наркомате, где сосредоточен весь учет агентуры, и Светлов³⁹ – личный секретарь.

Эта расстановка позволяет иметь в руках буквально все и по агентуре, и по следствию. Особенно до вашего приказа №00642 об отмене централизованного карточного учета агентуры⁴⁰, на который почему-то т. Реденс обращал особое внимание и чрезвычайно интересовался – вся ли агентура взята на централизованный учет⁴¹.

Вы знаете, что т. Реденс поляк.

Мне помнятся разговоры т. Реденс со мной в начале его приезда. Он знал, что я окончил сельхозфакультет вуза и часто со мной беседовал о состоянии сельского хозяйства в областях Казахстана, расспрашивая подробно об экономике каждой области (за 7 с половиной лет я с Казахстаном познакомился неплохо).

Часами он держал меня в кабинете около карты и расспрашивал обо всем подробно. В одной из таких бесед он у меня спросил (дословно): «Товарищ Кустов, какие вы имеете награды?» Я ему ответил, что награжден к 20-летию ВЧК-ГПУ-НКВД значком почетного чекиста, тогда он спросил: «Это пустяки, а почему вас не наградили орденом, ведь вы провели много интересных дел». Я ответил, что об этом надо спросить у Залина и что я, как молодой чекист, вполне удовлетворен и этим.

Казахской АССР-ССР, нач. переселенческого отдела НКВД Казахской ССР, уволен из НКВД с 28.1.1939. Награжден орд. Красной Звезды (19.12.1937). Осужден 10.10.1939 ВТ войск НКВД Казахской ССР на 10 лет ИТЛ.

³⁶ Горбунов Федор Ильич (1896 – ?), лейтенант ГБ (1936). Русский. В 1936 – пом. нач. СПО Карагандинского УНКВД Казахской АССР, с 19.10.1936 – нач. СПО Карагандинского УНКВД. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ» (9.5.1938). В 1939 – нач. Балхашского горотдела НКВД КазССР, ст. лейтенант ГБ (1939). В 1943-45 – нач. особых отделов и ОКР «Смерш» корпусов и армий, полковник.

³⁷ Учетно-статистический отдел.

³⁸ Козин Виктор Николаевич (? - ?), ст. лейтенант ГБ (1937). В 1937 – нач. Советского РО УНКВД по Московской обл., с июля 1937 – инспектор УНКВД по Московской обл. С марта 1938 – нач. инспекции при НКВД КазССР. На 1943 – подполковник. На 1950 – зам. МГБ Латвийской ССР, полковник. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ» (21.8.1937).

³⁹ Возможно, Светлов Михаил Федорович, сержант ГБ (1937).

⁴⁰ Возможно, в связи с массовым репрессированием и чисткой основной части прежней агентуры в 1937–1938 гг.

⁴¹ Учет конспиративной агентуры в связи с ее колоссальной текучестью традиционно был поставлен неудовлетворительно, в связи с чем секретные сотрудники местных органов ОГПУ-НКВД должны были вноситься в централизованную картотеку каждого регионального управления госбезопасности. Насколько успешно это делалось, исследователям пока неизвестно.

Было ли это прощупыванием моего настроения – я не знаю, но, мне кажется, это так. [...]

Я знаю одно, что если товарищ Реденс настоящий большевик, он и должен себя вести так. Самодурства в партии не нужно. Но он не самодур – это грамотный, начитанный человек и поэтому его поведение кажется еще более странным.

Я знаю и люблю оперативную работу, для этого пошел на работу в органы НКВД, в партии уже 10 лет, имею образование, имею неплохие показатели по оперативной работе и мне кажется – наркомому можно было бы со мною разговаривать другим языком, если у меня есть ошибки, надо на них указать, я их пойму и исправлю, а не ругать человека последними словами.

Если найдете нужным, прошу вызвать меня на доклад, и я могу доложить более подробно, так как в письме описать все факты чрезвычайно трудно.

Сообщаю на ваше распоряжение.

С коммунистическим приветом.

Кустов.

ЦА ФСБ. АСД № 975047 на С.Ф. Реденса в 2 тт. Т. 2. Л. 11–18. Машинопись, подпись – автограф.

Документ № 3

Из мемуаров М.П. Шрейдера «Жизнь чекиста-оперативника»

[...] На трибуне для гостей [1 мая 1938 г.] оказался и знаменитый в Казахстане акын Джамбул⁴² со своим не менее знаменитым переводчиком Павлом Кузнецовым⁴³. Не помню уже, кто представил меня Джамбулу, сухонькому девяностодвухлетнему старичку, которого торжественно водили под руки. Он ни слова не говорил по-русски, и Кузнецов все время переводил ему все наши слова. Не знаю, как получилось, но Джамбул оказался в Алма-Ате без автомашины, и я распорядился отвезти его домой в колхоз, расположенный недалеко от Алма-Аты, на своей машине.

[...] В мае [1938 г.] (числа не помню) праздновалось 75-летие литературной деятельности Джамбула.

В числе многих почетных приглашенных были Реденс и я. Съезд гостей был огромным. Кроме большого количества представителей казахской общественности, приехали известные писатели из Москвы, Ленинграда, представители союзов писателей Украины, Азербайджана, Армении и почти всех других союзных и автономных республик Советского Союза. Среди приехавших были и зарубежные писатели.

Джамбул с многочисленными родственниками проживал в колхозе⁴⁴, расположенном километрах в 20-ти от Алма-Аты⁴⁵. Несмотря на то, что в

⁴² Джабаев Джамбул (1846–1945), казахский поэт-акын, лауреат Сталинской премии 2-й степени (1941). Депутат Верховного Совета Казахской ССР (1938).

⁴³ Кузнецов Павел Николаевич (1909–1967), журналист, поэт, переводчик. Образование неполное среднее. Начинал как комсомольский работник. Печатался с 1925. С 1929 – на издательской работе, с 1935 – зав. отделом, зам. редактора газеты «Казахстанская правда», с 1938 – редактор журнала «Литература и искусство Казахстана». Был членом правления Союза советских писателей Казахстана. С 1936 публиковал в центральной прессе переводы из Джамбула. В 1941–43 – фронтовой корреспондент, получил ранение. В 1950–56 – зам. редактора журнала «Советский Союз», затем спецкор «Правды» по Казахстану. Автор официально-публицистических стихов, прозаик.

⁴⁴ Ныне – пос. Жамбыл Жамбылского района Алматинской обл.

⁴⁵ На самом деле – в 60 км.

усадыбе для Джамбула был построен очень хороший большой дом, он жил в юрте, к которой привык, и предпочитал ее самому шикарному дому.

Во время празднования к Джамбулу подвели великолепного скакуна, усевшись на которого этот дряхлый сгорбленный старик мгновенно помолодел и, свободно и твердо держась в седле, лихо прогарцевал перед всеми нами, вызвав восторг всех присутствующих.

После чествования и многочисленных выступлений и речей, посвященных юбилею, для гостей был устроен обильный ужин. Прямо во дворе дома были разостланы ковры, разложены подушки и т.п., и накрыты огромные столы. На столах были расставлены всевозможные местные национальные яства.

Но гвоздем программы был знаменитый плов из баранины. По существующим у казахов обычаям полагалось, чтобы хозяин в начале пиршества собственноручно положил в рот каждому гостю горсть жирного плова, после чего гостю подавали ковшик горячего бараньего жира запить плов.

Джамбул начал эту операцию с самого почетного гостя, которым оказался первый секретарь ЦК [компартии] Казахстана Скворцов (кажется, Николай Александрович), приехавший незадолго до этого из Москвы на смену отозванному туда Мирзояну. Я находился между Скворцовым и Реденсом, сидящим от меня с другой стороны.

Скворцов, как положено, если и не с восторгом, то, во всяком случае, покорно раскрыл рот и проглотил засунутую ему Джамбулом порцию плова, но когда сморщенная старческая рука потянулась к моему рту, я инстинктивно отшатнулся и отрицательно замотал головой.

Переводчик Кузнецов, сопровождавший Джамбула, вопросительно посмотрел на меня, как это я осмеливаюсь нарушать положенный порядок, но я, похлопав себя по животу, сказал, что у меня не в порядке желудок, и для вящей убедительности добавил, что у меня кровавый понос. Тогда Кузнецов что-то сказал по-казахски Джамбулу и пояснил, что мою порцию плова съест за меня мой сосед, то есть Станислав Францевич Реденс.

Реденсу некогда было рассуждать и он, так же, как и Скворцов, покорно съел одну за другой обе горсти плова, предназначенные ему и мне.

Когда Джамбул с Кузнецовым и другими сопровождавшими удалились, продвигаясь вдоль цепочки сидящих гостей, Реденс и Скворцов со свирепыми выражениями лиц набросились на меня и вполголоса начали отчитывать, что я, мол, не умею себя держать в приличном обществе и что я обязан был съесть этот плов, чтобы не нанести кровной обиды хозяину.

– Ведь мы должны уважать вековые традиции, – поучал меня Скворцов.

– А если вам в рот сунут грязную мочалку, вы тоже съедите ее во имя традиций? – защищался я. – Разве лучше было бы, если бы я взял этот плов в рот и меня стошнило бы? Я не могу заставить себя есть из чужой руки, которая, кстати, перед этим лазила в рот нескольких соседей.

– Ну и сволочь же вы, Шрейдер, – стиснув зубы, вполголоса ругался Реденс. – Не моргнув глазом, сбрежали про кровавый понос. А я из-за вас съел две порции этой жирнятины, да еще запил бараньей касторкой. Я вам это припомню. Вы у меня еще не это выпьете, – никак не мог он успокоиться.

Все это говорилось, конечно, в шутку, но ругань была увесистая.

После пиршества Джамбул под собственный аккомпанемент на национальном инструменте, название которого я забыл⁴⁶, стал исполнять песни. Мы, конечно, ничего не понимали по-казахски, да и сама манера

⁴⁶ Домбра.

исполнения гортанным голосом, монотонная и заунывная, была чужда уху европейца, но все присутствующие казахи так и сияли от восторга, прерывая Джамбула аплодисментами. А когда Павел Кузнецов стал переводить то, что Джамбул пел, все мы были поражены и восхищены великолепным поэтическим языком.

(Во время Великой Отечественной войны я читал в газете послание Джамбула «Ленинградцы, дети мои...» Хотя прошли многие годы, но и сейчас воспоминание об этих стихах вызывает волнение, а в то время, читая их, я, как и многие другие, плакал, тем более, что сам участвовал в освобождении Ленинграда из блокады и был свидетелем незабываемых трагических картин.)

Таков был поэтический дар этого старого, малограмотного, но великого акына Средней Азии⁴⁷.

Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 2. Оп. 2. Д. 102. Л. 766-768. Машинописная копия 1960-х годов.

Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Баберовски, 2010 – Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. 855 с.
2. Dahlke, 2010 – Dahlke S. Personenkulte und Kultproduzenten: Emel'jan Jaroslavskij (1878–1943), Stalin und Stalinkult // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts. Marburg, 2010. S. 74-89.
3. Дворкин П.С. Годы, вырванные из жизни (1962). [Электронный ресурс] / URL: http://samlib.ru/b/burykina_s_s/ (Дата обращения 11.04.2019).
4. Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына, 2013 – Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына в советской стране: Статьи и материалы / Под ред. К. Богданова, Р. Николози и Ю. Мурашова. – М.: Новое лит. обозрение, 2013. 308 с.
5. Ennker, 2010 – Ennker B. Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts – eine Synthese // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts. Marburg, 2010. S. 347–378.
6. История через личность, 2010 – История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. М.: «Квадрига», 2010. 720 с.
7. Левон Мирзоян в Казахстане. Сборник документов и материалов (1933–1938 гг.) / Сост.: Е. М. Грибанова, А. Н. Ипмагамбетова, Е. В. Чиликова. Алматы: Казахстан, 2001. 368 с.
8. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. – Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 10–11, № 12.
9. Савин, 2015 – Савин А. И. «Село Душегубово переименовать в село Солнцево» Советские переименования как способ коадаптации власти и общества (1918 – 1930-е годы) // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века: сб. научных статей / Научный ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 183–238.
10. Сталинский план по уничтожению народа, 2016 – Сталинский план по уничтожению народа: Подготовка и реализация приказа НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» // Альманах «Россия. XX век». Сост. Н. В. Петров, Н. А. Сидоров. 2016. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1005111> (Дата обращения 20.03.2019).
11. Хромов, 2009 – Хромов С. С. По страницам личного архива Сталина. М.: Изд-во МГУ, 2009. 368 с.
12. ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности – ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело на С. Ф. Реденса № 975047 в 2 тт. Т. 1. Л. 203–243.
13. Шрейдер, 1995 – Шрейдер М. П. Записки чекиста: НКВД изнутри. М.: Возвращение, 1995. 256 с.

References

- Baberovski, 2010 – Baberovski Y. Vrag est' vezde. Stalinizm na Kavkaze. M.: ROSSPEN, 2010. 855 s. (in Rus)
- Dahlke, 2010 – Dahlke S. Personenkulte und Kultproduzenten: Emel'jan Jaroslavskij (1878-1943), Stalin und Stalinkult // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts. Marburg, 2010. S. 74-89.
- Dvorkin P.S. Gody, vyrvannye iz zhizni (1962). [Electronic resource] / URL: http://samlib.ru/b/burykina_s_s/ (Last visited 11.04.2019). (in Rus.)

⁴⁷ Так у автора.

- Dzhambul Dzhabaev: Priklyucheniya kazakhskogo akyna, 2013 – Dzhambul Dzhabaev: Priklyucheniya kazakhskogo akyna v sovetskoj strane: Stat'i i materialy / Pod red. K. Bogdanova, R. Nikolozzi i Yu. Murashova. – M.: Novoe lit. obozrenie, 2013. 308 s.(in Rus.)
- Ennker, 2010 – Ennker B. Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts – eine Synthese // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts. Marburg, 2010. S. 347-378.
- Istoriya cherez lichnost', 2010 – Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya / Pod red. L.P. Repinoy. M.: «Kvadriga», 2010. 720 s.(in Rus.)
- Khromov, 2009 – Khromov S. S. Po stranitsam lichnogo arkhiva Stalina. M.: Izd-vo MGU, 2009. S. 368. [in Rus.]
- Levon Mirzoyan v Kazakhstane. Sbornik dokumentov i materialov (1933–1938 gg.) / Sost.: E.M. Gribanova, A. N. Ipmagambetova, E. V. Chilikova. Almaty: Kazakhstan, 2001. 368 s.(in Rus.)
- Materialy fevral'sko-martovskogo plenuma TsK VKP(b) 1937 g. – Materialy fevral'sko-martovskogo plenuma TsK VKP(b) 1937 g. // Voprosy istorii. 1995. № 10-11, № 12. (in Rus.)
- Savin, 2015 – Savin A. I. «Selo Dushegubovo pereimenovat' v selo Solntsevo» Sovetskie pereimenovaniya kak sposob koadaptatsii vlasti i obshchestva (1918 – 1930-e gody) // Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy trety XX veka: sb. nauchnykh statey / Nauchnyy red. V. I. Shishkin. Novosibirsk: Parallel', 2015. S. 183–238. (in Rus.)
- Shreyder, 1995 – Shreyder M. P. Zapiski chekista: NKVD iznutri. M.: Vozvrashchenie, 1995. 256 s. (in Rus.)
- Stalinskiy plan po unichtozheniyu naroda, 2016 – Stalinskiy plan po unichtozheniyu naroda: Podgotovka i realizatsiya prikaza NKVD № 00447 «Ob operatsii po repressirovaniyu byvshikh kulakov, ugovolnikov i drugikh antisovetskikh elementov» // Al'manakh «Rossiya. XX vek». Sost. N. V. Petrov, N. A. Sidorov. 2016. [Electronic resource] / URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1005111> (Last visited 20.03.2019).(in Rus.)
- TsA FSB – Tsentral'nyy arkhiv Federal'noy sluzhby bezopasnosti – TsA FSB. Arkhivno-sledstvennoe delo na S. F. Redensa № 975047 v 2 tt. T. 1. L. 203–243.